

Таким образом, в росписи одесского лекифа мастер использовал хорошо известные ему элементы других композиций.

Исполнение одесского лекифа небрежно, фигуры тяжеловаты, не вполне соответствуют работам мастера позднего периода — тому же лекифу из Бухареста и эрмитажному лекифу Б. 5032, которые датируются 60-ми годами V в. до н. э.²⁶ Этим же временем можно датировать одесский лекиф, определяя его как работу мастера Эмпория.

¹ A catalogue of Fitz William Museum Cambridge, 1897, pl. 18, 36.

² CVA, Deutschland, 17, Altenburg, 1, Taf. 26, 27, 32.

³ Там же, Taf. 32.

⁴ Там же, S. 27.

⁵ Печатный протокол 195 заседания Одесского Общества истории и древностей от 26 сентября 1880 г., с. 5.

⁶ *Haspels C. H. E. Attic Black-figured Lekythoi*— Paris, 1936, pl. 34.

⁷ CVA, Italia, 23, Capua, Museo Campano, Tav. 12, 14; 15, 5—6.

⁸ CVA, Deutschland, 25, Frankfurt am Main, 1, Taf. 27.

⁹ CVA, Belgique, Musée Rouaux, 1, pl. 17.

¹⁰ CVA, Deutschland, 26, Stuttgart 1, Taf. 27.

¹¹ *Beazley I. D. The development of Attic Black-figured Vases*, 1956, p. 36.

¹² *Ibid.*, p. 601.

¹³ CVA, Deutschland, 25, Frankfurt am Main, Taf. 17.

¹⁴ *Ibid.*, 24, Gotha 1, Taf. 40, 5.

¹⁵ CVA, Italia, Villa Guiglia, 1, Tabl. 10, n. 858.

¹⁶ CVA, Deutschland, 11, Mainz 1, Taf. 38, 7, S. 7.

¹⁷ CVA, Italia, Villa Guiglia, 1, Taf. 10, 3; CVA, Italia, 7, Museo Civico 3, Taf. 34, 1—3.

¹⁸ *Haspels C. H. E. Op. cit.*, p. 38—39.

¹⁹ *Attische Schwarz-figurige Vasen*. Basel, 1964, N 38.

²⁰ *Haspels C. H. E. Op. cit.*, p. 35, 3; Supl. 11, p. 7, 227.

²¹ *Горбунова К. С. Аттические лекифы, найденные в некрополях Северного Причерноморья*.— В кн.: *Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху*. Л., 1979, с. 37—48.

²² *Beazley I. D. Attic black-figured vases painters*.—Oxford, 1956, p. 584—585.

²³ *Горбунова К. С. Указ. соч.*, с. 47.

²⁴ Там же, с. 43. А, Б, В, Г, Д.

²⁵ Там же, с. 41, рис. 6.

²⁶ CVA, Romania, Bucuresti, 1, pl. 26, n. 426.

Н. П. Буравчук, Т. Л. Самойлова

КРАСНОФИГУРНАЯ КЕРАМИКА ИЗ ТИРЫ

В результате многолетних раскопок Тире обнаружено сравнительно небольшое число обломков аттической краснофигурной керамики (всего около 50 экземпляров). Этим Тира резко отличается от других античных памятников Северного и Северо-Западного Причерноморья, где составлены очень представительные коллекции этой категории античного керамического материала. Тем не менее анализ даже такой небольшой группы керамики из Тире представляет определенный интерес, тем более что до настоящего времени он не подвергался специальному исследованию, и лишь некоторые предметы упоминались в литературе¹.

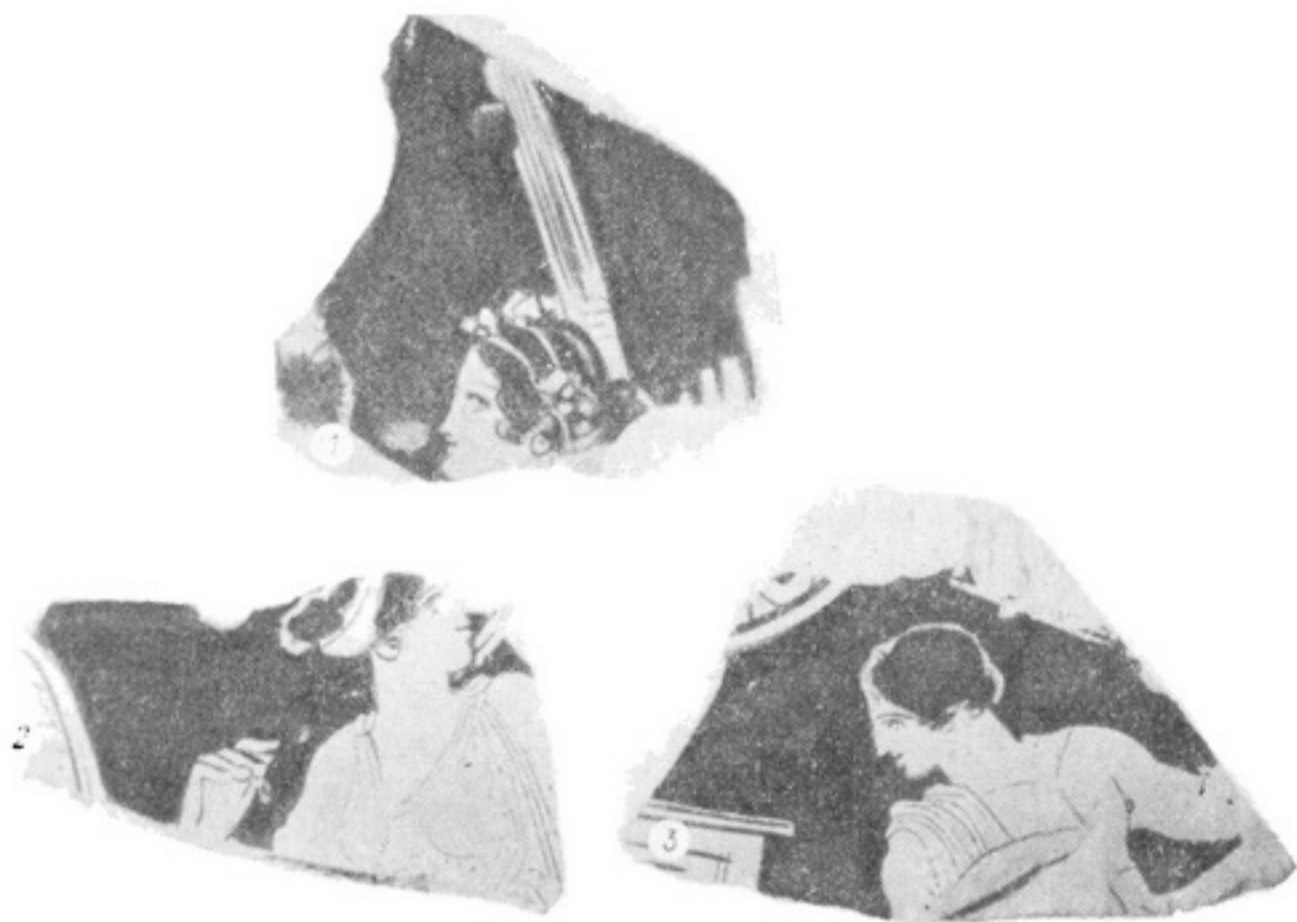

Рис. 1. Фрагменты краснофигурных сосудов (1—3).

Настоящая заметка является попыткой дать анализ и ввести в научный оборот аттическую краснофигурную керамику из Тире, которая хранится в Одесском археологическом музее АН УССР, Белгород-Днестровском историко-краеведческом музее и в Фондах ИА АН УССР.

Изучение этой керамики показало, что хронологически она укладывается в рамки последней четверти V—IV в. до н. э. Наиболее многочисленной является керамика беглого стиля, обломки сосудов свободного стиля единичны и очень невелики по размеру.

Среди фрагментов киликов, скифосов, лекан, пелик, ойнохой, лекифов, которыми представлены находки из Тире, имеется и обломок толстостенного сосуда (возможно, кратера), который привлекает внимание. На фрагменте (рис. 1, 1; 2, 1) сохранился рисунок головы женщины влево и бородатого мужчины вправо. Женская головка, возможно, менады выписана достаточно тщательно. Густые волнистые волосы собраны в изящную прическу, которая украшена изысканной повязкой в клетку, с листьями плюща вокруг лба — атрибут бога Диониса и его спутников. В ухе маленькая серьга, повторяющая форму листа. Тщательная прорисовка черт лица — глаза, носа, слегка приоткрытого рта — все выдает руку довольно крупного мастера. Частично сохранившаяся мужская голова с растрепанной короткой бородой, вздернутым носом принадлежит скорее всего сатиру. Рисунок на этом фрагменте отличается та самобытная прелесть, которая была характерна для стиля мастера Мидия², работавшего на рубеже V—IV вв. до н. э. Ближайшей

Рис. 2. Фрагменты расписной керамики (1—14).

аналогией нашему фрагменту является обломок большого кратера из Олинфа³.

Два фрагмента крышки леканы, принадлежащие одному сосуду, также изготовлены одним из значительных вазописцев рубежа V—IV вв. до н. э. На одном из них (рис. 1, 2; 2, 2) сохранилось изображение верхней части женской фигуры, одетой в легкий пеплос, застегнутый на плечах изящными фибулами, который мягки-

ми складками обрисовывает фигуру. Голова повернута вправо. Четко выполнен профиль миловидного лица. Высокая прическа украшена повязкой, из-под которой выбивается завиток. В ухе круглая серьга. Поза женщины естественна и слегка кокетлива, она оглянулась назад, как-будто отвечая на чей-то вопрос. Возможно ее скликнул юноша, изображенный на другом фрагменте (рис. 1, 3; 2, 3). Голова его повернута влево, где виден угол низкого стола. Поза юноши спокойна и уверена, правую руку он положил на согнутую в колене ногу и повернулся к собеседнику. Тщательно, как и на предыдущем фрагменте, выписаны черты лица, мускулатура груди, что свидетельствует о высоком мастерстве вазописца. Имя автора этих фрагментов, к сожалению, установить не удастся, но обломок крышки леканы, близкий по манере исполнения, был найден в Олинфе и датирован 430 г. до н. э.⁴

Лекана, как форма вазы, в начале IV в. до н. э. становится одним из популярных сосудов для хранения туалетных принадлежностей и нередко является подарком как на свадьбах, так и приношением на похоронах. Роспись на них не отличается оригинальностью, а рисунок уже к началу IV в. до н. э. становится схематичным и даже небрежным. Чаще всего на леканах изображались сидящие женские фигуры, которые могли сочетаться с фигурками летящих или коленопреклоненных эротов. Нередко встречаются бегущие женщины (скорее всего служанки), оглядывающиеся назад и держащие в руках предметы туалета: полотенца, алабастры, шкатулки. Стремительное движение вперед, подчеркнутое развевающимися складками одежды, повернутые в противоположную сторону лица, широко разведенные руки, равномерное расположение по кругу фигур, чередующихся с бытовыми предметами, создают ритм непрерывно движущегося хора. Крышки лекан с таким, почти канонизированным сюжетом были отнесены Дж. Бизли к так называемой *otchet group*⁵ и датированы началом IV в. до н. э. Они были найдены при раскопках многих античных центров⁶; не составляет исключения и Тира, где обнаружено много обломков сосудов этой группы (рис. 2, 4—6).

Крайне редкими в Тире являются находки фрагментов арибаллических лекифов (всего два). Один из них — с рисунком головы Гермеса в крылатом головном уборе (рис. 2, 7). К сожалению, на обломке сохранились лишь затылочная часть головы с разбросанными в беспорядке волосами и часть головного убора с перьями. Однако весь рисунок можно восстановить по арибаллическим лекифам с аналогичной росписью. Некоторые из них хранятся в Одесском археологическом музее (инв. № 23880, 23876), а также в Государственном Эрмитаже (инв. № Б 6777, Б 5228) и являются работой Мастера Взлохмаченных Волос (*Straggly Painter*)⁷ первой половины IV в. до н. э. Другой фрагмент арибаллического лекифа, очень небольшого размера, принадлежит сосуду с пальметтой и датируется тем же временем.

Самой многочисленной группой среди краснофигурной керамики из Тире являются фрагменты расписных киликов и скифо-

сов. Главной отличительной чертой этих сосудов является небрежная, доведенная до предела стилизация изображаемых фигур. Легкость и изящество линий в работах мастеров V в. до н. э. сменяются грубой стилизацией ремесленников во всех формах сосудов. Да это и понятно: стремясь расширить рынки сбыта, аттические мастера стараются выпустить как можно больше ваз и часто в ущерб их художественным достоинствам, так как спрос на недорогие вазы всегда был больше. Таким образом, в Северное Причерноморье начиная с конца V — начала IV в. до н. э. все реже и реже попадают вазы работ известных мастеров.

Найденные в Тире фрагменты киликов и скифосов являются массовой продукцией аттических мастерских IV в. до н. э. Роспись на них до предела схематична. Чаще всего встречаются изображения мужских фигур в гиматиях, где складки одежды переданы несколькими небрежными штрихами, волосы — сплошной заливкой лаком, на лице глаза и линия губ едва намечены, а иногда и полностью отсутствуют (рис. 2, 8—11), под ручками — завиток или пальметта (рис. 2, 12, 13). Скифосы с аналогичной росписью были встречены при раскопках Олинфа⁸, Аполлонии⁹, Ольвии и ее хоры¹⁰, а также в других центрах. Датируются они первой половиной IV в. до н. э.

Среди фрагментов скифосов выделяется часть венчика с изображением юноши вправо (рис. 2, 14). По манере росписи — сплошная заливка волос, неумелая прорисовка деталей — этот фрагмент мог принадлежать скифосу не ранее первой четверти IV в. до н. э., но нарисованный под влиянием работ мастеров-вазописцев V в. до н. э. Именно в такой позе — опираясь на правую ногу, а левая приподнята и согнута в колене, правая рука вытянута вперед — изображали в V в. до н. э. эротов. Можно лишь предположить, что этот скифос был расписан учеником или же старательным подражателем мастера V в. до н. э.

К последней группе расписной керамики из Тиря относятся фрагменты так называемых «боспорских пелик», получивших широкое распространение в Северном Причерноморье к середине IV в. до н. э.¹¹ Сюжет на лицевой стороне этих пелик представляет собой различные этапы борьбы с мифическими существами грифонами, которые обычно изображались накладной белой краской. Так, на большом фрагменте пелики (рис. 3, 1) видна лишь лапа грифона, нанесенная белой краской, остальная роспись — торс лошади со всадницей (?) — в цвете глины. На другом фрагменте (рис. 3, 2) — всадница (?) на коне, торс которого нанесен белой краской. Часть фигуры обороняющейся амазонки сохранилась на еще одном фрагменте толстостенной пелики (рис. 3, 3). То, что фигура амазонки помещена непосредственно у самой ручки, говорит о многофигурной композиции на лицевой стороне. От оборотной стороны сохранилась часть головы мужской фигуры. На оборотной стороне всех боспорских пелик, как и большинства ваз конца V — начала IV в. до н. э., чаще всего встречаются две, реже три мужские фигуры, задрапированные плащами гиматиями. Иногда между ни-

Рис. 3. Фрагменты боспорских пелик (1—5).

ми помещаются стела-алтарь или диск, в руках они держат стригиль, палку-посох. Эти детали могут сочетаться. Складки гиматия передаются скупыми штрихами, едва намечаются лицо и руки. Примером может служить фрагмент оборотной части пелики из Тиры (рис. 3, 4). Сохранилась также часть венчика этой пелики с отогнутым профилированным краем, по которому нанесен пояс ов (рис. 3, 5). И хотя мы не располагаем ни одним полным профилем вазы этого типа, можно утверждать, что все фрагменты тирских пелик полностью соответствуют массовой продукции, производившейся главным образом во второй половине IV в. до н. э.

Изучение аттической краснофигурной керамики из Тиры показывает, что спрос на дорогие расписные сосуды крупных размеров:

кратеры, амфоры, гидрии, амфоры-пелики — в Тире был очень незначителен, что может свидетельствовать о довольно низкой покупательной способности жителей этого античного центра в V в. до н. э., так как на это время приходится всего несколько находок обломков керамики этой категории. Следует отметить, что количество более простой аттической чернолаковой посуды со штампованным орнаментом весьма значительно. Вероятно, такое положение может быть объяснено еще малой значимостью Тире как торгового партнера в V в. до н. э. Наиболее многочисленны обломки сосудов небольших размеров скифосов, киликов, лекан, датированных IV в. до н. э. В этот период ввоз аттических ваз с характерной для того времени небрежной росписью более весом, что хорошо согласуется с картиной общего экономического подъема города в IV—III вв. до н. э., когда Тира расширяет свою сельскохозяйственную округу за счет появления на правом берегу Днестровского лимана сети поселений с ней связанных, а следовательно, и вывозит значительную часть сельскохозяйственной продукции, чеканит свою монету, торгует со многими античными центрами.

- ¹ *Фурманська А. І.* Розкопки Тіри в 1958 р.—Археологічні пам'ятки УРСР, 1962, 11, с. 132, рис. 8, 1; *Nicorescu P.* Fouilles de Tyras.—Dacia, 1927—1932, р. III—IV, р. 576, fig. 39—41; р. 578, fig. 47, 48; р. 579, fig. 51.
- ² *Hahland W.* Vasen um Midias.—Berlin, Wilmersdorf, 1930, Taf. 11, 13.
- ³ *Robinson D.* Excavation at Olynthus.—Oxford, 1950, 13, pl. 117, 119.
- ⁴ *Ibid.*, 5, pl. 73, 118.
- ⁵ *Beazley J. D.* ARV². Oxford, 1963, p. 1496.
- ⁶ *Леви Е. И.* Привозная греческая керамика из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг.—В кн.: Ольвия. Киев, 1940, т. 1, с. 108—110; *Зедгенідзе А. А.* Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса.—КСИА АН СССР, 1978, вып. 156, с. 72—75; *Robinson D.* *Op. cit.*, vol. 5, pl. 110—112; vol. 13, pl. 87, 64; pl. 88, vol. 65, pl. 128, 1, 2; CVA Deutschland Gotha, 2, pl. 69, 2; CVA, Tchécoslovaquie, 1, Prague, 1, pl. 46, 6.
- ⁷ *Beazley J. D.* *Op. cit.*, N 1367²; CVA, Great Britain. Oxford, 3, 1, pl. 40, 8.
- ⁸ *Robinson D.* *Op. cit.*, vol. 5, pl. 97, 152; vol. 13, pl. 129, 2.
- ⁹ *Иванов Т.* Антична керамика от некрополя на Аполония.—В кн.: Аполония: Розкопките и проучвания в некрополя на Аполония пред 1947—1949. София, 1963, № 493.
- ¹⁰ *Леви Е. И.* Указ. соч.; *Рубан В. В.* Из истории приольвийских поселений правобережья Бугского лимана IV—III вв. до н. э.—В кн.: АИСЗП. Киев, 1978, с. 69—71.
- ¹¹ *Кобылина М. М.* Поздние боспорские пелики.—МИА, 1951, № 19, с. 169—170.

П. О. Карышковский

ОЛЬВИЙСКИЕ МОНЕТЫ, НАЙДЕННЫЕ НА ОСТРОВЕ ЛЕВКЕ

Хотя нумизматические находки на Левке, древнем острове Ахилла (Фидониси на картах XIX в., современный остров Змеиный), известны уже около 140 лет и Ольвия неизменно фигурирует в списке городов, чьи монеты обнаружены на территории священного участка, где посещавшие остров моряки оставляли